
КНИГА ДЕВЯТАЯ

1

Афинянин. Естественный распорядок законов приводит нас ⁸⁵³ далее к вопросу о судебной ответственности, сопутствующей всем вышеуказанным деяниям. За какие именно деяния должно нести ответственность пред судом, отчасти уже было сказано, поскольку это касается земледелия и смежных с ним областей; но еще ничего не было сказано относительно величайших проступков. Поэтому в дальнейшем следует последовательно разобратся именно в этих проступках, отдельно обсудить каждый из них, чтобы притти к выводу, какое наказание здесь следует назначать, и каким судьям это будет подсудно. B

Клиний. Верно.

Афинянин. Впрочем, даже как-то позорно то, что мы собираемся теперь делать, то есть, устанавливать подобные законы в таком государстве, которое, по нашему признанию, будет устроено хорошо и получит вообще правильное направление в смысле добродетельных навыков его граждан. И вдруг мы предполагаем, что в подобном-то государстве появится человек, причастный таким величайшим проступкам, которые во всех остальных государствах являются следствием их испорченности. Приходится, таким образом, законодательствовать, предвосхищая события; угрожать на тот случай, если подобный человек встретится; ради предотвращения подобных поступков и наказания за них, раз уже они совершены, устанавливать для них законы, точно такие люди непременно встретятся,—вот в этом-то, повторяю, и есть что-то позорное. Мы ведь не то, что древние законодатели. Те были, как теперь рассказывают, и сами божественного происхождения, да и законы свои они давали божьим C

чадам, героям, т. е. существам божественного происхождения. Нет, мы — люди и даем теперь законы человеческому семени; поэтому мы вправе бояться, что у нас встретятся граждане с природой неподатливою, точно рог⁸¹, так что их ничем не проймешь. Как те семена не поддаются огню, так и они неподатливы законам, даже столь сильным законам. Так вот эти люди, привлекают меня высказать непривлекательный⁸² закон относительно святотатства, на случай если кто отважится на такое дело. Впрочем, не хотелось бы даже и ожидать, что получивший правильное воспитание гражданин может когда-либо остро заболеть этою болезнью; зато много попыток подобного рода можно ожидать со стороны прислуги граждан, иностранцев и их рабов. Ради них в особенности — впрочем, остерегаясь и вообще слабости человеческой природы — я выскажу закон о святотатстве и о всех тому подобных преступлениях, поскольку они трудно исцелимы или даже вовсе неисцелимы.

Согласно вышеустановленному правилу, и здесь надо предпослать вступление, однако, возможно краткое. Вот что можно сказать в увещание, когда беседуешь с человеком, которого злая страсть к святотатству одолевает днем и не дает покоя ночью: „Странный ты человек, это не человеческое и не божеское зло побуждает тебя теперь итти на святотатство; нет, это какое-то жало, внедрившееся в людей из-за старых, не искупленных очищением, проступков; оно-то губит и терзает тебя; его надо всеми силами остерегаться. Узнай, в чем состоит эта осторожность. Когда тебе придет в голову подобного рода мысль, прибегни для ее отвращения к жертве Зевсу; прибегни, как умоляющий, к святыням богов, отвращающих несчастья; прибегни к общению с людьми, признаваемыми у вас хорошими. То слушай их речи, то пробуй сам высказываться о том, что всякий человек должен почитать прекрасное и справедливое; без оглядки беги общества людей дурных. Если от исполнения всего этого уймется твоя болезнь, тем лучше; если же нет, считай, что для тебя лучше смерть, и прости с жизнью!“.

2

Вот как гласит наше вступление для людей, замышляющих всякие нечестивые и пагубные для государства деяния. Закон должен безмолвствовать для повинующихся; для послушника же, вслед за вступлением, он гласит во всеуслышание: кто будет пойман в святотатстве, тому, если это раб или иностранец, отметят лицо и руки клеймом его несчастья, того подвергнут стольким D ударам, сколько решат судьи и, в нагом виде, выгонят за пределы страны.

Возможно, что такое наказание исправит и образумит его. Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, действие наказания производит одно из двух: оно делает наказываемого или лучшим или менее испорченным⁸³. Но если будет обнаружено, что подобный поступок совершен каким-нибудь гражданином, который нанес великое, не E сказанное оскорбление богам, своим родителям, государству, то судье придется считать его уже неисцелимым, принимая в расчет, какое воспитание получил этот гражданин, как он был взрошен с детства, а все-таки не удержался от величайшего зла. Наказание такому человеку — смерть, это еще самое малое из зол; для остальных граждан полезным примером будет служить бесславию преступника и то, что его труп будет выброшен за пре- 855 делы страны. Его детям и его роду, если они не будут походить нравами на своего отца, — честь и слава; все будут говорить, что они хорошо и мужественно перешли от зла к добру. Имущество кого-либо из подобных преступников государству не подобало бы конфисковать, раз наделы в нем всегда должны оставаться одними и теми же и равными. Зато надо наказывать денежною пеней, когда окажется, что за проступок можно возместить деньгами; эту пеню взимают из того имущества, которое окажется излишним сравнительно с наделом; однако, размер денежной пени не должен превышать этого излишка. Для этой B цели законохранители должны тщательно просматривать записи и всякий раз сообщать точные данные судьям, чтобы никто никогда не оказался лишенным надела из-за недостатка денег.

Если кто-нибудь будет признан заслуживающим большей пени, причем его друзья не захотят за него поручиться и в складчину внести за него пеню, чтобы освободить его, то его наказывают долговременным тюремным заключением и еще какими-нибудь явными поношениями.

- C Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным⁸⁴ за какой бы то ни было проступок, даже если совершивший его бежит за пределы государства. Наказанием должны быть: смерть, тюремное заключение, удары, какие-нибудь унижительные места для сидения, стояния или околостояния⁸⁵ в святилищах на окраине страны; или наказанием должны быть денежные пени, как это мы сказали ранее. Судьями по вопросу о назначении смертной казни пусть будут законохранители и особый суд, выбранный из наиболее отличившихся прошлогодних правителей⁸⁶. Младшим законодателям надлежит иметь попечение о таких вопросах, как подача дела в суд, вызов в суд и тому подобное, — вообще о том, как все это должно совершаться.

- Нашей же задачей будет установить закон относительно подачи голосов. Голосование пусть будет установлено открытое. Еще до начала его судьи должны занять места, в возможно близком соответствии с их возрастом, прямо против истца и обвиняемого. Все те граждане, у кого есть досуг, пусть отнесутся с серьезной внимательностью к такому суду. Сперва слово предоставляется истцу, затем обвиняемому. После их речей старейший из судей начинает допрос, обращая тщательное внимание на их показания; после старшины и все остальные судьи последовательно должны разобрать, что им, так или иначе, желательно узнать из показаний или умолчаний обеих тяжущихся сторон. У кого из судей нет такого желания, тот передает дальнейший допрос другому. Запись показаний, которые окажутся идущими к делу, следует запечатать, скрепив ее печатью всех⁸⁵⁶ судей, и положить на жертвенник Гестии. На другой день судьи снова собираются вместе и точно так же, путем расспросов, разбирают дело и опять-таки скрепляют своей печатью запись показаний. Так поступают трижды; затем, когда собрано достаточно доказательств и показаний свидетелей, каждый судья подает свой священный голос⁸⁷, обещаясь пред Гестией судить, по

мере сил, справедливо и верно. Таким именно образом заканчиваются подобные судебные дела.

3

После преступлений против богов идут преступления, касающиеся ниспровержения существующего государственного строя. Кто проводит своего ставленника⁸⁸ на правительственную должность, не считаясь с законами, и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отвращенным врагом всего государства в его целом. А кто, хотя и не походит ни на кого из подобных людей, но, при отправлении главнейших должностей в государстве, не обратил внимания на подобные явления, или, хотя и обратил, но из трусости не встал на защиту отечества, такого гражданина следует поставить на втором месте в смысле плохих его качеств.

Всякий человек, если он мало-мальски полезен, должен оповещать правительство о заговорах, имеющих целью насильственное и, вместе с тем, противозаконное изменение государственного строя, и привлекать заговорщика к суду. Судьями пусть будут для них те же лица, что и для святотатцев; весь ход судебного дела будет тоже такой же, как и в первом случае; по большинству голосов присуждают виновного к смертной казни. Посрамление и наказание отца не распространяется ни на кого из детей; исключение составляет тот случай, когда и отец, и дед, и отец деда, все последовательно, были присуждены к смерти. В этом случае государство подвергает таких лиц высылке — причем они сохраняют свою собственность, за исключением всего того, что относится к полному оборудованию их надела — обратно на их исконную родину, в их государство. Но если у гражданина детей не один, а несколько, причем им исполнилось уже десять лет, то путем жребия выбирают десять человек, в пользу которых высказался отец или дед с отцовской или материнской стороны; имена вынудивших жребий сообщаются в Дельфы. Кого изберет бог, тот вступает в дом, в качестве наследника, на лучшее для него счастье, чем те, кто оставил дом.

Клиний. Отлично.

Афинянин. В-третьих, тот же закон будет касаться судей, которым придется судить по таким делам, и способа судопроизводства, когда кого-нибудь привлекут к суду по обвинению в измене.

Также и относительно пребывания в стране потомков преступника, их выхода на родину, — относительно всего этого будет установлен один закон, одинаковый для всех трех видов преступников: для изменника, для святотатца и для того, кто насильем ниспровергает законы государства.

Для вора, уворует ли он что-нибудь большое или какую-нибудь мелочь, будет опять-таки установлен один закон и одно судебное взыскание, одинаковое для всех воров. Прежде всего, вору придется в двойном размере возместить стоимость украденного, раз он будет уличен в воровстве и прочее его имущество, сверх надела, позволяет ему выплатить такую пеню; в противном случае он будет подвергнут тюремному заключению, пока не уплатит или не примирится с своим обвинителем.

Если кто будет уличен публично в краже, то он может освободиться из тюрьмы, лишь получив прощение со стороны государства, или уплатив вдвойне стоимость украденного.

Клиний. Хорошо ли мы говорим, чужестранец, что для вора вовсе не надо делать различий, украдет ли он что-нибудь значительное или мелочь, украдет ли из святилищ или из священного достояния, и так далее? Все это далеко не безразлично для кражи, а раз это так разнообразно, то, следовательно, и законодателю надо установить отнюдь не одинаковые наказания.

4

Афинянин. Очень хорошо, Клиний, что ты меня как бы разбудил и не дал занестись далеко. Ты напомнил мне то, о чем и раньше мне приходила мысль: все относящееся к законодательству никоим образом и никогда еще не бывало правильно выработано до конца, по крайней мере, в затронутом теперь случае. Но, опять-таки, что тут сказать? Не плохо было бы наше срав-

нение всех нынешних людей, для кого даются законы, с рабами, которых лечат также рабы. Надо твердо усвоить следующее: если бы какой-нибудь врач из числа тех, что применяют врачевание опытным путем, а не научно, застал свободорожденного врача в беседе со своим, тоже свободорожденным, пациентом, причем этот врач в своих речах близко подходил бы к философии, касаясь самого источника болезни и, следовательно, обсуждая вообще природу тел, — так вот врач-раб сейчас же расхохотался бы и обратился бы с такими словами, какие всегда бывают на языке в подобных случаях у большинства так называемых врачей. Вот что он сказал бы: „ах ты, чудак, да ты не лечишь больного, а чуть что ни воспитываешь его, точно ему надо не выздороветь, а стать врачом!“

Клиний. Разве он не был бы прав, говоря это?

Афинянин. Быть может, если при этом он думал, что тот, кто разбирает вопрос о законах так, как разбираем сейчас мы, воспитывает граждан, а не только дает им законы. Не кажется ли тебе уместным этот его взгляд?

Клиний. Пожалуй.

Афинянин. Мы находимся в настоящее время в счастливом положении.

Клиний. Почему?

Афинянин. Потому что у нас нет никакой необходимости давать законы; нет, мы сами занимаемся рассмотрением всего, что касается государственного строя, и пытаемся распознать, каким образом может быть осуществлено то, что всего лучше и что всего более необходимо. Вот и сейчас мы можем, конечно, если хотим, рассмотреть то, что является наилучшим; или, если хотим, то можем рассмотреть, что является наиболее необходимым в области законов. Выберем же одно из двух.

Клиний. Смешной выбор нам предстоит, чужестранец. Вот уже когда мы уподобились бы тем законодателям, которых величайшая необходимость заставляет законодательствовать немедленно, так как завтра уже нельзя будет делать это. А ведь мы, слава богу, можем, точно каменщики, или те, что начинают возводить какую-нибудь иную постройку, собрать груды строительного материала, чтобы оттуда выбрать подходящее для будущей постройки; да и самый этот выбор мы можем произвести на досуге.

Итак, допустим, что мы сейчас не те люди, кого необходимость заставляет строить дом, а те, кто на досуге то сравнивает один материал с другим, то пробует их составлять. Стало быть, мы в праве сказать, что часть законов уже установлена, другие же сопоставлены рядом для сравнения.

Афинянин. Итак, Клиний, предпочтем естественный общий обзор законов. Ради богов, обратим внимание вот на какую деятельность законодателей.

Клиний. На какую?

Афинянин. В государствах есть много писанных произведений, написано много сочинений разными лицами; в том числе есть писания и сочинения законодателя.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Неужели мы станем обращать внимание только на писания остальных лиц: поэтов, писавших в стихах, или прозаиков, изложивших для памяти свои взгляды на жизнь, а на сочинения законодателей не обратим внимания? Или, напротив, всего более на них?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не должен ли преимущественно из всех писателей только законодатель изложить свои взгляды на прекрасное, благое и справедливое? не должен ли он объяснить их смысл и то, как их надо применять тем, кто намеревается быть счастливым?

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Разве более позорно Гомеру, Тиртею и остальным поэтам плохо изложить в своих сочинениях взгляды на жизнь и на ее устройство, чем Ликургу, Солону⁸⁹, вообще тем, кто, став законодателем, написал сочинения? Или кажется правильным то, чтобы из всех сочинений, имеющих в государствах, сочинения, написанные о законах чаще развертывались, так как они гораздо прекраснее и лучше; чтобы сочинения остальных писателей были согласованы с этими, или чтобы, в случае разногласия, они считались достойными осмеяния? Не таково ли наше убеждение относительно того, как в государствах должна происходить запись законов? Эти сочинения должны казаться произведением лиц разумных и любвеобильных, на подобие отца и матери. Неужели надо считать дело оконченным, если на сте-

нах напишешь законы, установив их, как тираннический владыка, и снабдив их угрозами?!

Так вот, давайте и мы с вами разберем теперь нашу попытку высказывать именно такие убеждения относительно законов. По силам ли это нам или нет, — все равно — таково наше ревностное желание. Если, идя по этому пути, нам и придется кое в чем пострадать, страдаем; ведь это было бы благом, а если будет на то божья воля, именно так и осуществится.

Клиний. Прекрасные слова. Мы поступим так, как ты говоришь.

5

Афинянин. Следовательно, как мы и попытались, сперва надо тщательно рассмотреть вопрос о святотатствах, всякого рода воровстве и всех преступлениях вообще. Не надо беспокоиться, если среди законодательной работы мы одно уже установили, другое же еще только подвергаем рассмотрению. Ведь мы еще не законодатели; мы только ими становимся и, возможно, скоро станем ими. Так вот, давайте, если вы согласны приступить к рассмотрению, рассмотрим то, о чем я говорил, и именно так, как я говорил.

Клиний. Разумеется, мы согласны.

Афинянин. Относительно всего прекрасного и справедливого попробуем распознать следующее: в чем мы здесь между собой согласны теперь, а в чем мы сами с собою не согласны; ведь мы-то высказали бы живейшее желание хоть этим, если не чем другим, отличиться от толпы; затем опять-таки посмотрим, в чем здесь согласна или нет сама с собой толпа.

Клиний. Какие это заметил ты у нас разногласия?

Афинянин. Попробую выяснить. Относительно справедливости вообще, справедливых людей, поступков и деяний мы все как-то согласны, что все это прекрасно. Стало быть, если утверждать, что справедливые люди, даже с безобразным телом, все прекрасны именно этими своими наисправедливейшими нравственными качествами, то, пожалуй, в этих словах не покажется ничего несообразного.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Возможно. Теперь, раз все причастное справедливости прекрасно, посмотрим, относятся ли у нас ко всему этому и страдания наравне с действиями.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Ведь всякое справедливое действие, пожалуй, лишь поскольку причастно справедливости, постольку же является причастным и красоте.

Клиний. В чем дело?

Афинянин. Следовательно, и страдание, причастное справедливости, становится постольку прекрасным; если мы согласимся с этим, то в нашем рассуждении не будет противоречия.

Клиний. Верно.

Афинянин. Если же относительно справедливого мы согласимся, но признаем, что страдание безобразно, то получится противоречие между справедливым и прекрасным, раз мы сказали, что в данном случае справедливое является самым безобразным.

Клиний. Как это ты говоришь?

Афинянин. Очень легко сообразить. Дело в том, что установленные нами немного ранее законы могли бы показаться идущими совершенно вразрез со всем нынешним рассуждением.

Клиний. С каким именно?

В Афинянин. Мы установили, что святотатец справедливо должен умереть; то же самое и враг хорошо установленных законов. Собираясь установить великое множество таких узаконений, мы приостановились, видя, что в таком случае будет бесконечно много, и по числу и по размеру, страданий, которые, правда, наиболее справедливы из всех страданий, но зато и наиболее безобразны из всех них. Не будет ли казаться нам справедливое и прекрасное то одним и тем же, то совершенно противоречащим одно другому?

Клиний. Чего доброго, случится и так.

С Афинянин. Вот почему толпа и выражает такие небрежно несогласованные взгляды об этом, т. е. о прекрасном и о справедливом.

Клиний. Повидимому, так, чужестранец.

Афинянин. Так вот, Клиний, давайте снова посмотрим, как

обстоит у нас дело в смысле согласованности взглядов на этот счет.

Клиний. В смысле согласованности чего с чем?

Афинянин. В предшествующей беседе, думается мне, я с полной определенностью высказался об этом; если же этого не было, позвольте мне сказать сейчас.

Клиний. О чем?

Афинянин. Вот что: все злые люди бывают во всем злыми D
лишь против воли; а раз это так, то отсюда необходимо вытекает и дальнейшее следствие —

Клиний. Какое?

Афинянин. Человек несправедливый зол; но злой человек
бывает таким против воли. Против воли совершать что-нибудь
добровольное не имеет смысла. Итак, для того, кто установил,
что несправедливость совершается против воли, человек, совер-
шающий несправедливость, должен казаться совершающим это
против своей воли. С этим и я также должен согласиться; дело
в том, что и я утверждаю, что все совершают несправедливости
лишь против своей воли. Если же кто станет утверждать, что E
люди бывают несправедливы против своей воли из-за соревнова-
ния или честолюбия, но что все-таки многие добровольно со-
вершают несправедливости, то я соглашусь с первым, но не со
вторым. Однако, в чем же согласованность моих слов? Не зада-
дите ли вы мне такой вопрос, Клиний и Мегилл: „Если дело об-
стоит так, чужестранец, то каков будет твой совет относительно
законодательства для государства магнетов. Стоит ли законода-
тельствовать или нет?“ — Конечно, стоит, отвечу я. — „Следова-
тельно, ты разграничишь недобровольные и добровольные не-
справедливые поступки, и мы установим бóльшие наказания за
добровольные погрешности и несправедливости, а за недобро-
вольные — меньшие. Или за все мы назначим равные наказания, 861
раз уже вовсе нет добровольных несправедливостей?“.

Клиний. Конечно, ты прав, чужестранец; но как же нам при-
менить то, что теперь сказано?

Афинянин. Прекрасный вопрос. Мы его применим прежде
всего вот как.

Клиний. Как?

6

Афинянин. Вспомним, что ранее мы прекрасно выразились: относительно справедливости у нас какая-то полнейшая сумятица и несогласованность. Исходя из этого, зададим снова сами себе вопрос: раз мы не выбрались из этого затруднительного положения и не разграничили, чем разнятся добровольные и невольные поступки друг от друга, между тем, как во всех государствах всеми когда-либо бывшими законодателями признано существование двух видов несправедливых поступков: одни добровольные, другие — невольные, — то неужели же так-таки это и будет установлено законом? Неужели мы ограничимся только тем, что вот высказали сейчас известное положение, точно это изречение бога, но вовсе не обоснуем его правильность, а прямо, так или иначе, возведем его в закон? Нет, это невозможно; необходимо, прежде чем давать законы, разъяснить эти два вида поступков и их различие, чтобы всякий, когда будет назначать наказание за поступок, относящийся к первому или второму виду, мог руководиться высказанным положением и был бы в состоянии так или иначе судить о том, подходит ли данное установление, или нет.

Клиний. Мне кажется, ты прав, чужестранец. И вот нам предстоит одно из двух: или отказаться от утверждения, что все несправедливые поступки совершаются против воли, или же сперва определенно выяснить правильность нашего утверждения.

Афинянин. Из этих двух возможностей первая для меня совершенно неприемлема, именно: отказаться от утверждения того, что считаешь истинным. В самом деле, это было бы и незаконно и нечестиво. Надо попробовать так или иначе пояснить, каким образом можно, по иному признаку, разделить эти поступки на два вида, если уже отказаться от различия их по тому признаку, что одни из них добровольны, другие же совершаются против воли.

Клиний. Мы, чужестранец, совершенно не можем мыслить об этом как-нибудь иначе.

Афинянин. Пусть так и будет. Ну, а вреда-то гражданам, конечно, не мало причиняют друг другу при взаимных общениях и

сношениях, причем и здесь в изобилии встречается элемент добровольности или невольности.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, пусть не считают, при отнесении всех видов вреда к несправедливости, что здесь бывает два вида несправедливых поступков: во-первых — добровольные, во-вторых — невольные. Дело в том, что вред, причиняемый невольно, и по количеству и по размерам, не уступает всякого рода добровольно наносимому вреду. Посмотрите, имеют ли мои слова какое-нибудь отношение к тому заданию, какое я себе поставил, или вовсе не имеют никакого отношения? Дело вот в чем: я лично, Клиний и Мегилл, утверждаю, что когда один человек причиняет, совсем не желая того, невольно, вред другому, то он совершает несправедливый поступок, однако, совершает его невольно. Поэтому я, при законодательстве, установлю законом, что этот проступок есть невольная несправедливость. Но я вовсе не стану относить этот вид вредоносных поступков к несправедливости вообще, все равно, в каких бы размерах кому бы он ни был нанесен. Если мое мнение победит, то нередко мы станем утверждать, что несправедливый поступок совершен и тем, кто является виновником какой-нибудь услуги, оказанной неправильным путем. Дело, пожалуй, вот в чем, друзья мои: не по тому приходится считать так-таки попросту одно справедливым, а другое несправедливым, что вот человек дал кому-нибудь что-либо свое или, наоборот, отнял у кого-нибудь; нет, законодателю надо наблюдать, каковы по отношению к справедливости были намерения и образ действий человека при оказании кому-нибудь услуги или при нанесении вреда; надо обращать внимание на две различные стороны: на несправедливость и на вред. При помощи законов надо, насколько возможно, восстановить нанесенный вред, спасая то, что гибнет, воздвигая то, что упало по чьей-либо вине, восстанавливая то, что умерщвлено или ранено. Коль скоро проступок искуплен возмездием, надо попытаться, при помощи законов, из каждого случая раздоров и нанесения вреда сделать повод для установления между виновником и пострадавшим дружеских отношений.

Клиний. До сих пор все прекрасно.

Афинянин. В свою очередь, что касается несправедливого,

из-за корысти, нанесения вреда, когда кто, путем совершения несправедливостей, способствует обогащению кого-нибудь, то поскольку это зло исцелимо, его надо исцелить, считая это душевной болезнью. Надо признать, что, по нашему, исцеление от несправедливости клонится вот в какую сторону —

Клиний. В какую?

- Д Афинянин. Чтобы всякого, совершившего большой или малый несправедливый проступок, закон наставил и принудил или уже вовсе никогда не отваживаться на повторение чего-либо подобного по доброй воле, или совершать это в значительно меньшей степени; кроме того, надо возместить нанесенный вред. Делом ли или словом, наслаждением или скорбью, почетом или бесчестьем, денежными пенями или дарами, словом, вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость, а полюбить или, по крайней мере, не ненавидеть природу справедливости, — это и есть задача наилучших законов. Если законодатель заметит, что человек неисцелим в этом отношении, он назначит ему наказание и установит какой-нибудь закон. Законодатель сознаёт, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; они этим самым вдвойне принесли бы пользу всем остальным людям: они послужили бы примером для остальных. в том смысле, что не следует поступать несправедливо, а к тому же 863 избавили бы государство от присутствия дурных людей. Таким образом законодатель вынужден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что иное.

Клиний. Повидимому, ты очень удачно все это выразил; однако, мы с большим удовольствием выслушали бы это еще раз в более ясном виде, именно: разницу между несправедливостью и вредом и как при этом разнообразно привходит элемент добровольности и невольности.

7

- В Афинянин. Попытаюсь в своей речи исполнить ваше желание. Дело вот в чем: ясно, что вы при взаимных разговорах держитесь, по крайней мере, такого взгляда на душу: в природе

есть не то какое-то состояние, не то какая-то ее часть—запальчивость; это противоречащее и противоборствующее свойство внедрилось в душу и своею неразумной силой ниспровергает все.

Клиний. Да, так.

Афинянин. А наслаждение мы не отождествляем с запальчивостью; оно владычествует, говорили мы, вследствие силы, противоположной запальчивости; убедительными доводами, соединенными с насильственным обманом, оно осуществляет все, чего только ни пожелает его воля,

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не будет ошибкой, в качестве третьей причины заблуждений, указать на неведение. Со стороны законодателя было бы лучше разделить это неведение на два вида: простое неведение, которое можно считать причиной легких заблуждений, и двойное, когда невежда одержим не только неведением, но и мнимой мудростью, точно он вполне сведущ в том, чтó ему вовсе неизвестно. Если сюда присоединяется сила и мощь, то это можно считать причиной великих, чуждых музам, заблуждений; если же сюда присоединяется слабость, то тогда происходят заблуждения детские и старческие; при общем распорядке законов это тоже надо считать заблуждениями, а лиц, их совершающих — заблуждающимися; но в этом случае законы относятся к виновным очень мягко и полны снисходительности.

Клиний. Твои слова естественны.

Афинянин. Пожалуй, мы все признаём, что одни из нас сильнее наслаждений и запальчивости, другие же слабее, — вот как обстоит дело.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но неслыхано, чтобы одни из нас были сильнее неведения, а другие слабее.

Клиний. Вполне правильно.

Афинянин. Все эти три свойства, т. е. запальчивость, наслаждение и неведение, направляют нас в сторону удовлетворения предмета их желаний; вместе с тем нередко они влекут нас в совершенно противоположные стороны.

Клиний. Да это часто бывает.

Афинянин. Так вот теперь я могу ясно и прямо определить, как я понимаю различие между справедливостью и несправедли-

востью. Тираническое господство в душе запальчивости, страха, наслаждения, скорби, зависти и страстей я считаю вообще несправедливостью, все равно наносит ли это кому вред или нет. На-
 864 против, преобладающее в душе представление о высшем благе, —
 каких бы воззрений ни держалось государство или частные лица
 на возможность его достижения, — упорядочивает всякого чело-
 века; хотя бы он и совершил какой-нибудь ложный шаг, все
 равно надо считать вполне справедливым поступок, совершен-
 ный таким образом, и все, что происходит под руководством
 такого начала, является наилучшим для всей жизни человече-
 ской. Многие относят подобного рода нанесение вреда к неволь-
 ной несправедливости; мы сейчас не станем спорить из-за на-
 865 званий; зато прежде всего еще более запомним выяснившееся
 существование трех видов заблуждений. Итак, скорбь которую
 мы обозначили как запальчивость и страх, составляет у нас один
 вид.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Второй вид — заблуждения, проистекающие из-за
 наслаждения и, с другой стороны, из-за страстей; третий вид —
 стремление к осуществлению надежд и правильного предста-
 вления о наивысшем благе. Разделив этот третий вид на две
 части, мы получим пять видов заблуждений, как это мы и гово-
 866 рили. Для этих пяти видов надо установить два взаимно различ-
 ные рода законов.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Один — для явно-насильственных действий, дру-
 гой — для поступков, совершаемых втайне среди мрака, путем
 обмана. Впрочем, бывают поступки, где налицо и то и другое.
 В этом случае законы должны были бы быть наиболее суровыми,
 если только они соблюдают надлежащее соотношение.

Клиний. Естественно.

8

Афинянин. Далее возвратимся опять к тому, что было
 нашим исходным пунктом, и будем продолжать установление
 867 законов. Помнится, мы установили законы относительно свято-
 татцев, изменников и тех, кто извращает законы с целью нис-

провержения существующего государственного строя. Человек может, пожалуй, совершить подобный поступок под влиянием безумия, болезней или чрезмерной старости, — все это ничуть не разнится от детского состояния. Если о преступлении поставлены будут в известность судьи, выбранные в каждом отдельном случае, причем об этом заявит или сам совершивший преступление или же защитник преступника, и если будет признано, что человек преступил законы, находясь в одном из указанных состояний, то он должен попросту возместить вообще тот вред, который он кому-нибудь нанес, а от всей прочей судебной волокиты он будет избавлен; исключение составляет тот случай, когда убивший кого-нибудь не очистил своих рук от убийства. В этом случае он должен удалиться в другую страну, в другое место и там провести в отлучке целый год; если он вернется до истечения определенного законом срока и вступит, где бы то ни было, на родную землю, то законохранители должны посадить его в государственную тюрьму, причем он может быть выпущен из нее лишь по истечении двух лет.

Раз уже мы начали говорить об убийстве, попробуем установить до конца законы относительно всех видов убийств. Прежде всего поговорим об убийствах, совершаемых невольно и путем насилия. Если кто на состязании или на государственных играх невольно убьет человека, с которым он находится в дружеских отношениях, — все равно, последует ли смерть сразу, или потом, из-за полученных ударов, — или если кто убьет точно так же на войне или на подготовительных военных маневрах, устраиваемых правителями для упражнения, причем военные действия воспроизводятся либо с применением какого-нибудь оружия, либо без него, то человек должен очиститься согласно полученному на этот случай из Дельф закону, а затем он считается уже чистым. Это касается и всех врачей, если, против их воли, их пациент умрет; в этом случае врач считается, согласно закону, чистым. Если кто кого убьет, хотя и невольно, но собственноручно, силою ли своего тела, оружием ли, стрелою ли, тем ли, что даст ему что-нибудь выпить или съесть, тем ли, что прибежит к огню или холоду, или тем, что лишит его возможности дышать, словом, силою ли своего тела или чрез посредство иных тел, все равно он считается вообще человеком, убив-

С шим собственноручно. Наказание ему будет следующее: если он убьет раба, принимая его за своего собственного раба, то он должен возместить хозяину умершего раба причиненный вред и убыток; иначе ему придется, в наказание, вдвойне оплатить стоимость умершего раба. Определение стоимости установят судьи. Очищений в этом случае будет больше и они многочисленнее, чем для убивших на играх. Решить этот вопрос

D правомочны избранные богом истолкователи. А кто убьет своего раба, то, по совершении очищений, ему, согласно закону, не ставится в вину убийство. Кто невольнo убьет свободорожденного человека, пусть прибегнет к тем же очищениям, что и человек, убивший раба. Однако, пусть он отнесется при этом с почтением к одному старинному поверью из числа самых древних. Рассказывают, что насильственно умерщвленный человек, прошедший свою жизнь в том образе мыслей, какой свойственен свободорожденному человеку, гневается на убийцу за свою преждевременную смерть и, будучи сам полон страха и ужаса из-за испытанного насилия, наводит страх на убийцу, если видит, что тот продолжает жить в тех местах, что были обычны для покойного; полный тревоги сам, покойник из всех сил тревожит и самого убийцу, причем союзником ему в этом деле служит память, и вносит тревогу во все его дела. Поэтому убийца должен уступить своей жертве и удалиться из всех родных для покойного местностей его отечества на целый год. Если покойный был иностранец, то убийца должен на такой же срок покинуть страну

866 иностранца. Кто добровольно повинуется этому закону, того ближайший родственник покойного, который был свидетелем всего происшедшего, должен простить и вообще примириться с ним. Если же ослушник, который прежде всего еще и не очистился от убийства, посмеет отправиться в святилища и принести жертвы, да вдобавок не пожелает выполнить указанного срока отлучки, то ближайший родственник покойника должен

B преследовать его по суду за убийство; в случае обвинительного приговора все меры наказаний применяются в двойном размере. Если же этот ближайший родственник не возбудит судебного преследования за происшедшее, то всякий желающий может возбудить против него дело, как против человека, на которого перешла скверна и обратилось страдание пострадавшего; в та-

ком случае его можно заставить, по закону, покинуть свое отечество на пять лет. Если иностранец невольно убьет иностранца из числа проживающих в государстве, его может преследовать по суду всякий желающий, на основании тех же самых законов. Если это метек⁹⁰, то пусть он удалится на один год; если же он является всецело иностранцем, то в случае убийства, иностранца ли, метека ли или горожанина, он должен на всю жизнь покинуть страну, где действуют эти законы. Если он, вопреки законам, возвратится, то законодатели пусть накажут его смертью, а его имущество, какое у него есть, пусть передадут ближайшему родственнику пострадавшего. Если он возвратится против своей воли, например, если морской бурей будет выброшен на берег этой страны, то он может раскинуть палатку, однако, лишь на самом берегу, так чтобы вода касалась его ног; здесь должен он ожидать первого представляющегося случая к отплытию. Если же кто-либо насильно поведет его вглубь страны, то пусть его выведут представители первой попавшейся правительственной должности и отправят его, целым и невредимым, обратно в прибрежную полосу. Если кто собственноручно убьет свободного, причем это будет сделано в запальчивости, то здесь надо различать два случая: совершен ли поступок в состоянии запальчивости, то есть, в том случае, если внезапно и непреднамеренно, под влиянием мгновенного порыва, причиняют человеку смерть ударами или чем-нибудь тому подобным, а затем сейчас же возникает раскаяние в совершенном поступке; точно так же под влиянием запальчивости действуют и в том случае, когда замышляют отомстить за нанесенную ранее обиду словами или бесчестными делами и, впоследствии, с намерением убить, действительно убивают обидчика; в этом случае не возникает раскаяния в совершенном поступке. Стало быт, надо различать, повидимому, два вида убийства, и чуть ли ни оба эти вида совершаются под влиянием запальчивости; всего справедливее было бы сказать, что они занимают середину между добровольными и невольными преступлениями. Впрочем, нет: и тот и другой вид убийства имеют сходство либо с добровольным, либо с невольным действием. Ведь тот, кто подавляет запальчивость, не действует прямо-таки внезапно, но намеренно откладывает свое мщение на будущее время; такой

человек подобен действующему добровольно. Напротив, человек, необузданный в гневе, так-таки сразу поддающийся ему и не отдающий себе отчета в своих намерениях, подобен действующему невольно, но, в свою очередь, и он не является действующим вполне невольно — здесь только внешнее сходство с невольным поступком. Вот почему трудно разграничить те случаи убийства, что совершены под влиянием запальчивости, в том смысле, какие из них закон должен признать добровольными, а какие — невольными. Всего лучше и всего согласнее с истиной было бы признать это их внешнее сходство и различить оба эти вида поступков по признаку их преднамеренности или же непреднамеренности, а затем назначить по закону для тех, кто в гневе совершил преднамеренное убийство, наказание более тяжелое, а для тех, кто совершил это непреднамеренно и внезапно, — более легкое. В самом деле: за большее зло естественно назначить большее наказание, а за меньшее — меньшее. Так должны поступить и мы в наших законах.

Клиний. Конечно.

9

Афинянин. Снова вернувшись к нашему заданию, мы скажем вот что: если кто собственноручно убьет свободорожденного человека и совершит это непреднамеренно, в состоянии гнева, то виновный должен подвергнуться всем тем же наказаниям, что и тот, кто убил не в состоянии запальчивости, то есть: ему придется на два года отправиться в изгнание в наказание за свою запальчивость. Если же кто совершит убийство хотя и в состоянии запальчивости, но преднамеренно, то он подвергнется всем тем наказаниям, что указаны в первом случае, но вместо двух лет изгнания, ему назначается три года, то есть более продолжительный срок в наказание за более сильную степень запальчивости. А что касается обратного возвращения этих лиц, то здесь пусть соблюдается вот что: вполне точные законы дать тут трудно; так, бывают случаи, когда из этих двух видов убийства тот вид, что законом признан более тяжким, на самом деле оказывается более легким, и наоборот, то есть тот вид, который законом признан более легким, оказывается

на деле более тяжелым, причем во всех обстоятельствах, связанных с убийством, один человек действует более жестоко, другой — более мягко. Впрочем, по большей части все происходит так, как мы теперь говорим. Во всем этом должны разбираться законохранители. После того, как истечет время изгнания для каждого из этих двух видов преступников, законохранители пусть пошлют двенадцать судей к границам страны с тем, чтобы они за это время еще точнее рассмотрели деяния изгнанников и вынесли решение относительно совестливости изгнанников и обратного их допущения в государство. А изгнанники со своей стороны должны будут подчиняться решениям этих правительственных лиц. Если же, по своем возвращении, кто-нибудь из находившихся в изгнании опять совершит тот же самый поступок, будучи побежден гневом, то ему назначается изгнание уже без права возвращения; если же он все-таки возвратится, то его надо подвергнуть тому же, чему подвергается иностранец в случае своего вторичного прихода после высылки⁹¹.

Кто убьет своего собственного раба, пусть подвергнется очищениям; кто же убьет в запальчивости чужого раба, пусть вдвойне возместит убытки его владельцу. Всякий убийца, не послушавшийся закона, не подвергнувшийся очищению, осквернивший своим присутствием рыночную площадь, игрища и все остальные святыни, может быть привлечен к суду всяким желающим, равно как и тот родственник покойного, который позволяет убийце это делать; по суду его можно принудить уплатить в двойном размере пеню и вдвойне подвергнуть остальным мерам взыскания. Полученная пеня поступает, по закону, в пользу того, кто подал дело в суд. Если раб в запальчивости убьет своего господина, то близкие покойного могут сделать с убийцей все, что им угодно, лишь бы никоим образом не оставить раба в живых, и в этом случае они будут чисты от вины. Если же какой-нибудь раб в запальчивости убьет свободорожденного человека, то господа этого раба пусть передадут его близким покойного, а те обязаны умертвить убийцу каким им угодно способом. Бывает—правда, редко,—что в запальчивости отец или мать причинят ударами или другим каким-нибудь насильственным образом смерть своему сыну или дочери; тогда они должны прибегнуть к тем же самым очищениям, что и все

прочие, и отправиться в изгнание на три года. По возвращении, жена убийцы должна расстаться с мужем, а муж с женой; они уже не должны производить детей, не могут стать членом той семьи, которую они лишили сына или брата, не могут принять участия в почитании общих святынь. Ослушник, нечестиво не считавшийся с этим, может быть всяким желающим привлечен к суду по обвинению в нечестии. Если муж в гневе убьет свою законную жену, или точно так же жена совершит этот поступок над своим мужем, то они должны прибегнуть к тем же самым очищениям и пробыть в изгнании три года. По возвращении, человек, совершивший такой поступок, не должен принимать участия в священных обрядах вместе со своими детьми и не может иметь с ними общего стола. Ослушник, отец ли то или сын, может опять-таки быть привлечен к суду всяким желающим по обвинению в нечестии. Если брат убьет в запальчивости брата или сестру, а сестра—брата или сестру, очищения и сроки изгнания те же самые, что назначены для родителей и их детей, они не могут быть членами той семьи, где у братьев они отняли брата, а у родителей — сына, и не могут принимать вместе с ними участия в священных обрядах. К ослушнику можно правильно и по справедливости применить указанный закон о нечестии. Если кто будет настолько несдержан и запальчив по отношению к своим родителям, что в припадке неистового гнева осмелится убить одного из своих родителей, то убийца, если покойный, до своей кончины, добровольно простил ему, должен только прибегнуть к тем очищениям, что предписаны для невольных убийц; совершив и все остальное, что делают они, он будет считаться чистым от вины; зато, если покойный не простил, тогда человек, совершивший что-либо подобное, подсуден многим законам. Дело в том, что он будет подсуден по самому тяжкому обвинению в оскорблении действием, а равным образом в нечестии и святотатстве, раз он посягнул на жизнь своего родителя; стало быть, было бы в высшей степени справедливо подвергнуть отцеубийцу или матереубийцу многократной смертной казни, если бы только было возможно одному и тому же человеку умирать много раз. Ведь только такому человеку закон запрещает даже защищаться, если родители угрожают ему смертью, и не один закон не позволяет убить отца или мать,

произведших на свет этого ребенка; поэтому закон предпишет человеку скрепиться и вынести все, лишь бы не совершить такого поступка. Раз это так, то к какой же иной ответственности закон привлечет человека, убившего отца или мать? Нет, пусть будет установлено, что для человека, в запальчивости убившего отца или мать, наказанием будет смерть. Если же брат убьет брата в стычке во время междоусобия или при тому подобных обстоятельствах, причем он будет лишь обороняться от зачинщика схватки, он считается чистым от вины так же, как если бы он убил неприятеля. То же самое, если гражданин убьет D гражданина или иностранец — иностранца. Если же горожанин убьет, обороняясь, иностранца, или иностранец — горожанина, то он считается, согласно тому же правилу, невиновным. То же самое, если раб убьет раба. Напротив, если раб, хотя бы и обороняясь, убьет свободорожденного, он подпадает под действие тех же законов, как и отцеубийца. То, что сказано относительно прощения отцом своего убийцы, касается одинаково и всех этих случаев. Если человек простит по доброй воле своего убийцу, как совершившего это дело невольно, то пусть преступник прибегнет к очищениям и, по закону, выселится на E один год из страны.

Достаточно сказано относительно случаев убийства, бывающих насильственными или непреднамеренными, или происходящих под влиянием запальчивости. Далее нам надо поговорить относительно случаев невольного убийства или относительно убийств, происходящих под влиянием всяческой несправедливости, затем и о преднамеренности, возникающей из-за подверженности человека наслаждениям, страстям и зависти.

Клиний. Ты прав.

10

Афинянин. Опять-таки и в этом случае мы сперва, по мере 870 сил, укажем, сколько здесь может быть случаев. Самое великое зло — господство страсти, когда душа одичала от вожделений. Это всего более проявляется в том, к чему у большинства имеется самое частое и сильное стремление, то есть в насилии,

которое, вследствие дурных природных свойств и дурного воспитания, порождает тысячи побуждений к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества или денег. Причиной же невоспитанности служит распространенный ходячий взгляд эллинов и варваров, превратно восхваляющий богатство. Дело в том, что признанием богатства первым из благ — между тем как, на самом деле, оно стоит лишь на третьем месте — они портят и свое потомство и самих себя. Насколько прекраснее и лучше было бы, если бы во всех государствах проводился истинный взгляд на богатство: оно существует ради тела, тело же существует ради души. Раз есть те блага, ради которых и существует богатство, то его надо поставить на третьем месте, вслед за телесной и душевной доблестью. Это утверждение учит, что человек, желающий быть счастливым, не должен стремиться к обогащению, но быть богатым, сохраняя справедливость и здравомыслие. Тогда не было бы в государствах убийств, которые требуют для своего искупления других убийств. А теперь, как мы и заметили в начале, есть одно, и притом величайшее, зло, вызывающее величайшие наказания за добровольно совершенное убийство. На втором месте стоит честолюбие, порождающее в душе, им одержимой, зависть, которая с трудом уживается прежде всего с самим обладателем зависти, а затем и с лучшими людьми в государстве. На третьем месте стоят трусливые и неосновательные страхи, которые вызвали много убийств, когда человек хочет, чтобы никто, кроме него, не знал о совершении им, теперь или в прошлом, тех или иных поступков. Вот и устраняют, путем умерщвления, всех тех, кто мог бы донести об этих поступках.

Пусть это служит вступлением ко всем таким вопросам. Вдобавок можно напомнить то учение, которому многие люди очень верят, слыша его из уст тех, кто для этой цели ревностно занимается обрядами священных таинств. Это учение утверждает, что за все такие поступки ждет расплата в Аиде, а когда человек снова вернется сюда, ему придется расплатиться согласно естественному правосудию, то есть испытать участь пострадавшего от него лица и подобным же образом в своей тогдашней жизни он будет убит другим человеком. Кто повинуется и, уже на основании самого вступления, всячески стра-

шится этого правосудия, для того совсем не нужно, чтобы затем 871 и закон гласил об этом. Но для ослушника пусть будет высказан следующий закон, и притом в письменном виде.

11

Кто с заранее обдуманном намерением и несправедливым путем убьет собственноручно кого-либо из своих соплеменников, тот прежде всего лишается покровительства узаконений, не смеет осквернять своим присутствием ни святилищ, ни рыночной площади, ни гаваней, ни иных общих мест собраний,—при этом все равно, запретил ли кто преступнику туда вход или нет. Ведь сам закон запрещает ему это и выскажет явный запрет всегда, и теперь и впредь, в защиту всего государства. Кто из родни покойного, из числа двоюродных его родственников по мужской или по женской линии не возбудит судебного преследования против преступника и не потребует прекращения всякого общения с ним, на того, во-первых, обращается скверна и вражда богов, как об этом предупреждает проклятие со стороны закона; во-вторых, всякий желающий отомстить за покойного может привлечь к суду преступника. Человек, желающий отомстить, пусть выполнит все, что касается тщательного совершения очистительных омовений и прочих узаконений, предписанных богом; далее пусть он заранее объявит о том, что преступник исключен из законного общения, а затем он может заставить преступника подвергнуться законному правосудию. Законодателю легко показать, что все 872 это должно сопровождаться некоторыми молитвами и жертвоприношениями определенным богам, которые пекутся о том, чтобы в государствах не совершалось убийств. Законохранители, совместно с истолкователями, прорицателями и с богом, установят, каким образом надо вчинять подобные дела и дадут законы о том, какие это именно боги и какой способ вчинения подобных судебных дел всего вернее соответствует божескому праву. Судьи здесь будут те же, что, как было сказано, являются 873 правомочными в суде над святотатцами.

В случае признания виновности, преступник наказывается смертью; его не следует хоронить в стране пострадавшего, так как, кроме нечестия, преступник выказал еще и бессовестность.

Кто не пожелал подвергнуться суду и бегством уклонился от него, пусть навсегда остается в изгнании. Если же преступник снова где-нибудь вступит в страну убитого, то первый случившийся, член семьи умершего или из остальных граждан, может его невозбранно убить или, связав, передать тем правителям, что являются судьями в таких делах. Истец пусть вместе с тем требует, чтобы лицо, с которого он ищет, представило поручителей. Ответчик же пусть представит поручителей, которых власть судей по этому вопросу признает достойными, то есть, троих достойных поручителей, которые поручатся, что обвиняемый явится в суд. Того, кто не желает или не может представить поручителей, власть задерживает, берет под стражу и представляет на решение суда. Если кто убил не собственноручно, а только замышлял умертвить и, из-за этого своего желания и замысла являясь виновником его смерти, живет в государстве, не очистившись от убийства, то разбор дела происходит и здесь точно так же, за исключением поручительства. Виновному позволяется быть погребенным у себя на родине; а все остальное и здесь происходит одинаково с вышеуказанным случаем. Это равно касается как отношений иностранцев к иностранцам и горожанам, так и взаимоотношений иностранцев и, с другой стороны, отношений между рабами; как случаев убийства своими руками, так и случаев убийства по замыслу, за исключением только вопроса о поручительстве; поручителей, как уже было сказано, должны представлять только те, что собственноручно совершили убийство. Обвиняемый в убийстве должен представить и поручителей и поручительства.

Если раб добровольно убьет свободорожденного человека, собственноручно ли или по замыслу, и будет признан виновным, то пусть государственный палач отведет его к надгробному памятнику умершего, так чтобы он мог видеть могилу, и здесь подвергнет раба стольким ударам бича, сколько предпишет обвинитель; если раб не умрет во время бичевания, его предадут смерти. Если кто убьет раба, не совершившего ничего несправедливого, из опасения, как бы он не донес о позорных и злых делах этого человека, или по какой-нибудь другой подобной причине, то убийца подвергнется такому же наказанию, как и за убийство гражданина.

12

Бывают случаи, при которых ужасно и чрезвычайно тяжело давать законы, между тем как не дать законов невозможно. Таковы случаи добровольного и во всех отношениях несправедливого собственноручного или по замыслу убийства, имеющего место между родственниками. Это в большинстве случаев бывает в плохо устроенных и плохо выросших государствах; но единичные такие случаи могут встретиться и в той стране, где их всего менее ожидаешь. Поэтому надо повторить то, что мы недавно сказали, чтобы тот, кто нас слушает, скорее мог добровольно воздержаться по этой причине от тех убийств, которые во всех отношениях являются самыми нечестивыми. Ведь ясно сказано древними жрецами это слово—или предание, или как бы его там ни называть—о том, что за пролитие крови родственников мстит блюстительная Правда; пользуясь только что высказанным законом, оно предписывает, чтобы человек неизбежно подвергся сам тому, что он совершил. Если кто когда убил своего отца, то настанет время—и ему придется со стороны своих детей подвернуться такому же насилию; если же он убил свою мать, то ему неизбежно придется вновь родиться уже в виде женщины, а затем, народившись, лишиться впоследствии жизни от своего же порождения. Ибо от пролитой родственной крови нет иного способа очиститься; кровавое пятно нельзя смыть до тех пор, пока душа виновного не искупит своего преступления тем же самым, т. е. подобное подобным, убийство убийством. 873

Поэтому каждому следует воздерживаться от таких преступлений из страха перед божеским возмездием. Если же все-таки постигнет иных людей это жалкое несчастье, так что они умышленно и добровольно осмелятся разлучить с телом душу своего отца, матери, братьев или детей, то на этот случай устанавливается смертным законодателем следующий закон: запрещается таким людям участвовать в жертвоприношениях и во всякого рода законных общениях; поручительство они должны представить так же, как это указано в предшествующих случаях. Если же человек будет уличен в подобном преступлении, то есть, если B

он убьет кого-нибудь из своих родственников, то его предадут смертной казни служители судей и правители, а тело его, обнаженное, пусть выбросят они за пределы государства на отведенный для этого перекресток; затем все представители правительственных властей, от лица всего государства, пусть принесут каждый по камню и бросят его в голову трупа, чтобы таким образом очистить все государство; после этого труп приносят к крайним пределам страны и здесь выбрасывают, причем по закону он лишается погребения.

С Чему же должен подвергнуться тот человек, который убил то, что всего ближе и, как говорят, всего дороже? Я говорю о самоубийцах, которые насильно лишают себя того, что им суждено судьбой, хотя их к этому не приговорило государство, не принудила, неотвратимым страданием выпавшая случайность, не выпал на долю какой-нибудь тягостный стыд, делающий жизнь невозможной, но сами над собой совершили они это неправедное правосудие из-за своей слабости и отсутствия мужества. D Что касается очищения и погребения такого человека, то узаконения об этом ведомы богу; поэтому ближайшие родственники должны обратиться к истолкователям и, вместе с тем, к законам, касающимся этой области, и поступить согласно их предписаниям. А погребать самоубийцу надо прежде всего по одиночке, а не вместе с кем-нибудь другим; затем таких бесславных людей надо хоронить на пустырях, не имеющих названия, на границах двенадцати частей государства, не отмечая их места погребения ни надгробными плитами, ни именами.

Е Если подъяремный скот или иное животное убьет человека — исключение составляют те случаи, когда это постигает атлета, выступающего на общегосударственном состязании, — то родственники должны выступить судебным порядком против убийцы; дело разбирают агрономы, выбранные в любом числе родственником; уличенное животное убивают и выбрасывают за пределы страны. Если же неодушевленный предмет лишит человека души — за исключением молнии и тому подобных, исходящих от богов, перунов, — иными словами, если предмет своим падением убьет человека, или человек сам на него упал, то родственник пусть выберет в судьи для этого предмета своего самого близкого соседа и перед ним очистит себя и всю свою родню;

виновный же предмет надо выбросить вон, как это было указано и для животных.

Если, с другой стороны, обнаружена чья-нибудь смерть, но неясно, кто убийца; если и после тщательных розысков не смогут найти убийцу, то вступают в силу те же самые запрещения, что и в остальных случаях; совершившего объявляют виновным в убийстве, решение суда провозглашается на рыночной площади: убивший такого-то осужден за убийство и не имеет доступа в святилища и вообще в страну, где жил пострадавший; если он появится и будет опознан, то будет предан смертной казни и, без погребения, извергнут за пределы страны пострадавшего. Пусть у нас действует один этот закон, установленный об убийстве. В

Вот как обстоит дело до сих пор с подобными вопросами. Что же касается того, при каких условиях убийство какого-нибудь человека не ставится в вину убившему, то здесь пусть будет постановлено следующее: если кто ночью убьет вора, захватив его при попытке ограбить дом, тот невиновен; кто, обороняясь, убьет грабителя, тот невиновен; кто пытается изнасиловать свободорожденную женщину или отрока, того может невозбранно умертвить лицо, подвергнувшееся насилию, а также его отец, брат или сын. Если муж застанет кого-нибудь, кто пытался изнасиловать его законную жену, то, по закону, он невиновен, если убьет насильника. Если кто совершит убийство, защищая своего отца, не сделавшего ничего нечестивого, или свою мать, детей, братьев, супругу, то он совершенно невиновен. С D

13

Уже даны законы относительно воспитания человека, относительно его образования — и то и другое делает жизнь для души приемлемой, если же душа их лишена, то жизнь для нее неприемлема, — и относительно смертной казни, являющейся наказанием за насилие; сказано также о физическом воспитании и образовании. Вслед за этим надо рассмотреть добровольные и невольные насильнические деяния людей друг над другом. Надо, по мере сил, определить, каковы они, сколько их, какие

Е в этом случае наказания были бы полезны. Вот о чем, повидимому, было бы правильно в дальнейшем установить законы.

На втором месте после убийств всякий, даже самый ограниченный человек из числа занимающихся законами, поставил бы ранения и повреждения, причиненные ранами. Так же, как мы различили разные виды убийства, нужно различить и виды ранений: одни из них причиняются невольно, другие в состоянии запальчивости, третьи под влиянием страха, четвертые бывают из-за сознательного умысла. Относительно всего этого надо предварительно сказать вот что: людям необходимо установить законы и жить по законам; иначе они ничем не будут отличаться от самых диких зверей. Причиной здесь является то, что от природы свойства человека далеко недостаточны, чтобы распознать полезные начала для человеческого общежития или чтобы, даже распознав их, быть всегда в состоянии осуществлять высшее благо и желать его.

Прежде всего трудно распознать, что настоящее искусство государственного правления печется не о частном, но об общем интересе — ведь общность интересов связует, частные же интересы разрывают государство, — и что, и для того и для другого, то есть, и для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное. Во-вторых, если даже кто и распознает, что все это от природы действительно так; если он усвоит это в достаточной мере на практике, то затем, став ответственным и самовластным главою государства, он никогда не сможет остаться при этих взглядах и провести всю свою жизнь, сознательно поддерживая в государстве общие интересы, а частным предоставляя следовать за общими. Нет, его смертная природа всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам; в своем безрассудстве избегающая скорби и преследующая наслаждение, она поставит их выше того, что было справедливо и что лучше; себя самоё свергнет в мрак и, в конце концов, преисполнит всяческим злом и себя и все целиком государство. Ведь если бы, по воле божественной судьбы, появился когда-нибудь человек, по своей природе достаточно способный к усвоению этих положений, то он вовсе не нуждался бы в законах, которые должны им управлять. Ведь ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания; нельзя разуму

быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, D
если только он, по своей природе, действительно обладает
истинной свободой. Но в наше время этого вовсе не встречается
нигде, или, разве, в незначительных размерах. Поэтому надо при-
нять то, что стоит после разума на втором месте — распорядок
и закон, которые взирают и обращают внимание на многое, но
все же не могут охватить всего. Все это и было сказано с такою
именно целью.

Теперь мы установим распорядок, чему должен подверг-
нуться или что должен уплатить человек, ранивший другого
или нанесший ему какой-нибудь вред. У каждого человека воз-
никнет здесь вполне основательно множество вопросов: куда E
нанесена рана, кого ранили, как и когда — все им скажи. Здесь
есть несчетное количество разных случаев, сильно отличаю-
щихся друг от друга. Поручить суждение обо всем этом судам
невозможно; отнять от них это право тоже нельзя. Зато один
пункт необходимо предоставить их решению, именно: произо-
шло ли действительно ранение, или его вовсе не было. Впро-
чем, ничего не предоставлять их усмотрению из вопросов о на-
казании и должной каре для обидчика, а самому установить 876
законы о всех важных видах и даже о мелочах, тоже едва ли
возможно.

Клиний. Что же нам сказать после этого?

Афинянин. Вот что: часть вопросов надо предоставить су-
дам; другую часть нельзя им предоставить, а надо самому уста-
новить здесь законы.

Клиний. О чем надо установить законы и что можно пере-
дать на решение судам?

14

Афинянин. После этого правильнее всего было бы сказать
вот что: в государстве, где негодные, безгласные, сами подры- B
вающие свое значение суды втайне держат свои решения и,
что еще более ужасно, не молчаливые, но преисполненные шума,
точно театры, выносят свои решения, хваля или порицая каждого
из выступающих на суде ораторов, — в таком государстве обычно
создается трудное положение. Нет никакой радости быть выну-

жденным давать законы таким судам; всё же, если кто вынужден устанавливать законы для такого государственного строя, **С** нужно бóльшую их часть самому оговорить подробно, а судьям предоставить лишь установление наказаний по самым маловажным делам. Зато, в государстве, где суды, по мере сил, устроены надлежащим образом, где собирающиеся быть судьями хорошо воспитаны, и их прошлое подвергнуто тщательной проверке, там, в большинстве случаев, предоставление судьям решения, какому наказанию должны подвергаться виновные, будет делом правильным, хорошим и прекрасным. **Д** Поэтому нам нельзя сейчас поставить в упрек, что мы не даем им самых главных и многочисленных предписаний: ведь судьи, получившие даже худшее воспитание, могут сообразить, какое нужно установить наказание за то или иное преступление, так чтобы оно было достойно совершенного проступка и вызванного им страдания. А раз мы считаем тех судей, кому мы даем законы, ничуть не хуже их, то можно им предоставить очень многое. Впрочем, как мы нередко указывали и как мы поступали в предшествующем законодательстве, **Е** надо и здесь дать общий очерк и образцы наказаний, которые служили бы для судей примером и препятствовали бы им выходить за пределы правосудия. Это тогда было правильно; и теперь надо, поступив точно так же, снова возвратиться к законам.

Дела по обвинению в ранении будут у нас установлены так: кто желал, с заранее обдуманном намерением, убить мирного обитателя — исключение составляют те случаи, когда это допущено законом, — но не мог его убить, а только ранил, то не стоит **877** его жалеть, раз он нанес рану с таким намерением; без всякого зазрения совести его надо привлечь к суду точно так же, как и убийцу. Однако, из уважения к его не вполне злой судьбе и божееству, которое смилостивилось над ним и над раненым, отвратило от одного из них смертельную рану, а от другого заклятую участь и несчастье, так вот, в благодарность этому божееству, чтобы ему не противиться, надо избавить от смертной казни того, кто ранил, и заменить ее пожизненной высылкою **В** в соседнее государство, с сохранением права пользования всем своим имуществом. Если же он причинил ущерб раненому, то обязан его возместить, по оценке того суда, который разбирает это дело. Это тот самый суд, куда поступило бы дело об убий-

стве, если бы пострадавший скончался от нанесенной раны. Если сын умышленно ранит своих родителей, а раб — своего господина, то наказанием назначается смертная казнь. Если точно так же брат ранит брата, или сестру, или сестра брата или сестру, и будет доказана умышленность нанесения раны, то наказанием назначается смертная казнь. Жена, с заранее обдуманном намерением убить ранившая своего мужа, или муж — свою жену, должны отправиться в вечное изгнание. Об их имуществе, если их сыновья или дочери малолетние, позаботятся опекуны и возьмут под опеку детей, точно сирот. Если же дети уже взрослые, то они наследуют собственность, без обязательства содержать изгнанника. Если такое несчастье постигнет человека бездетного, то родственники изгнанника, вплоть до двоюродной степени родства с обеих сторон, как по мужской, так и по женской линии, должны собраться вместе и назначить наследника этого дома, одного из пяти тысяч сорока домов в государстве, посоветовавшись с законохранителями и жрецами и приняв в соображение следующее правило: ни один дом, ни общенародный, ни частный, из числа пяти тысяч сорока, не является собственностью его обитателя и его семьи, но скорее собственностью государства. А государство должно иметь свои дома как можно более, по мере сил, благочестивыми и счастливыми. Если какой-нибудь из этих домов впадает в такое нечестие и несчастье, что его обладатель не оставит в нем детей, скончается холостым или будет бездетен в браке, и будет изобличен в умышленном убийстве или в ином преступлении против богов или государственного строя, за которое законом определенно установлена смертная казнь — то же самое и при отправлении бездетного человека в вечное изгнание — то, по закону, надо прежде всего совершить очищение этого дома и принести искупительные жертвы Зевсу. Затем домочадцы, как было только что сказано, должны собраться вместе с законохранителями и рассмотреть, какая семья в государстве снискала себе наилучшую славу своею добродетелью и счастьем, причем там есть несколько детей; одного из них надо сделать приемным сыном отца покойника и всего предшествующего рода, дать ему имя, которое служило бы добрым предзнаменованием, чтобы он при более счастливых условиях, чем его отец, стал отцом семейства, домохозяином, заботливым

исполнителем благочестивых священнодействий. Так помолившись, его назначают законным наследником, а преступник остается без имени, без детей, без надела, раз уже его постигло такое несчастье.

15

Конечно, не у всего, что существует, края соприкасаются с краями; бывают промежуточные пространства, внедренные в середину их границ и оказывающиеся между ними. То же самое можно сказать и о границах добровольного или невольного совершения поступков в состоянии запальчивости и раздражения. Итак, если кто будет уличен в том, что он именно в этом состоянии нанес другому рану, то прежде всего он должен в двойном размере возместить ущерб, если рана излечима; если же неизлечима, то — в четыре раза больше. Если рана излечима, но раненому нанесен великий позор и поношение, то виновный должен возместить в три раза больше. Если ранение вредит не только пострадавшему, но и государству, так как раненый лишился возможности защищать родину от неприятелей, то виновник, сверх остальных наказаний, возмещает нанесенный им государству ущерб: кроме своей собственной военной службы, он несет таковую и за увечного, заместив его в военном строю; если он не исполнит этого, всякий желающий может его привлечь по закону к суду за уклонение от военной службы. Судьи, поставленные путем голосования, определяют двойную, тройную или четверную уплату нанесенного вреда. Если брат ранит брата указанным способом, то родственники со стороны отца и матери, вплоть до двоюродной степени родства по женской и по мужской линии, собираются все вместе — и женщины и мужчины — для решения, а определение наказания поручают его родителям. Если определение степени наказания вызывает споры, то берет верх решение родственников по мужской линии. Если и они не в силах этого сделать, то, в конце концов, они поручают это законохранителям. Необходимо, чтобы судьи по делам о ранениях, нанесенных родителям детьми, уже переступили за шестьдесят лет и имели бы детей не приемных, а своих

собственных. Если кто будет уличен в преступлении, надо определить, должен ли такой человек быть казнен смертью или подвергнуться чему-нибудь еще большему, или понести немного меньшее наказание. Из родственников преступника никто не имеет права участвовать в суде, даже если он достиг положенного законом возраста. Если раб в запальчивости и раздражении ранит свободорожденного человека, то его владелец передает этого раба раненому, — пусть тот поступит с ним, как угодно. Если же он не передаст, то он сам должен искупить нанесенный вред. Если он обвиняет раба и раненого в заговоре и какой-нибудь уловке, то он может начать тяжбу. Если он не выигрывает, он втрое оплачивает ущерб; а если выигрывает, то тот, кто хитрил вместе с рабом, подпадает под обвинение в порабощении. Кто невольно ранит другого, просто возмещает ему ущерб. Судьями пусть будут те же лица, что указаны в случае ранения детьми родителей; они определяют размер возмещения убытка за нанесенный вред.

16

Все вышеуказанные нами состояния являются насильственными; всякий вид оскорбления действием есть также насилие. Каждый мужчина, ребенок и женщина должны всегда мыслить об этом так: престарелые люди гораздо более заслуживают почтения, чем молодежь, в глазах богов и людей, желающих спастись и быть счастливыми. Позорное и богам ненавистное зрелище, когда в государстве младший оскорбляет старшего. Если же старик ударит молодого человека, то тот должен терпеливо подавить свой гнев, имея в виду, что и ему самому, когда он состарится, будет предоставлено такое же преимущество. Итак, пусть будет такое постановление: пусть всякий у нас и в делах и речах совестится тех, кто старше его. Всякого мужчину или женщину, на двадцать лет старше себя, надо считать отцом или матерью и бережно относиться к ним; пусть он удержится оскорблять, ради богов покровителей рождения, всех тех, кто, по своему возрасту, мог бы его родить и произвести на свет. По этой причине пусть он не оскорбляет

даже иностранца, все равно, давно ли тот поселился здесь или же прибыл недавно; ни по собственному почину, ни в обороне пусть он совершенно не смеет вразумлять ударами человека такого возраста. Если же он находит, что надо обуздать иностранца, нагло и смело нападающего на него с ударами, то он может его задержать и отвести к правителям астиномам, но сам пусть воздержится от побоев; тем более он должен остерегаться возможности дерзко ударить когда-нибудь своего земляка. Астиномы задерживают такого иностранца и производят разбор дела, бережно относясь к богу, покровителю иностранцев; если они решат, что иностранец несправедливо бил туземца плетью, то иностранцу они дают столько же ударов, сколько он нанес сам, за его иностранную отвагу; этим дело и ограничивается; если же иностранец справедливо совершил свой поступок, то астиномы, пригрозив и побранив того, кто его вызвал, отпускают их обоих. Если сверстник побьет своего сверстника или старшего, но не имеющего детей, или если старик побьет старика, или юноша юношу, то разрешается естественная оборона, однако, без оружия, голыми руками. Если же человек, переступивший за сорок лет, осмелится с кем-нибудь драться, будучи сам зачинщиком, или только обороняясь, он будет сочтен грубым, неблагородным и рабоподобным, и такое порицание было бы подходящим для него наказанием. Если он послушается такого увещания, то его легко обуздать. А непослушный, не обращающий никакого внимания на это вступление, пусть будет готов к принятию следующего закона: если кто побьет человека старше, чем он сам, на двадцать лет и более, то, прежде всего, свидетель этого происшествия, если он не ровесник и не моложе дерущихся, должен их разнять; иначе он прослышет, по закону, дурным гражданином. Если же он ровесник тому, кого бьют, или еще моложе его, он должен притти на помощь, точно своему брату, отцу или вообще обиженному старшему родственнику. Кроме того, как было указано, осмелившийся бить старшего подпадает под обвинение в оскорблении действием; если он будет уличен, его приговаривают к тюремному заключению не меньше, чем на год. Если же судьи назначат больший срок, пусть войдет в силу этот, назначенный ему, срок. Если иностранец или метек побьет человека, на

двадцать или более лет старшего, чем он сам, тот же самый закон точно так же призывает всех вступить за пострадавшего. Проигравший судебное дело, раз он иностранец, а не местный житель, подвергается в наказание двухлетнему тюремному заключению; если же метек не послушался законов, то он заключается на три года, — если только суд не назначит ему большего срока. Свидетель такого происшествия, не пришедший, однако, на помощь, как это предписывает закон, подвергается пене в размере одной мины, если он принадлежит к высшему классу, пятидесяти драхм, если ко второму, тридцати, если к третьему, двадцати, если к четвертому. Суд над такими людьми состоит из стратегов, таксиархов, филархов и гиппархов.

17

Повидимому, одни из законов устанавливаются ради людей порядочных с целью научить их, каким образом надо общаться друг с другом, чтобы жить дружелюбно; другие же законы касаются людей, не получивших воспитания, с природой неподатливой, ничем не смягчающейся, с тою целью, чтобы они не обратились вполне к пороку. Именно эти последние люди и заставляют нас высказать то, что будет сказано. Законодатель дал бы им законы только по нужде и предпочел бы, чтобы они никогда не применялись.

Если кто осмелится применить насилие и оскорбить отца, мать или их родителей, не убоявшись ни гнева вышних богов, ни возмездия, ожидающего, как говорят, в Аиде, но, точно он знает то, чего вовсе не знает, презирает древние всеми высказываемые предания и поступает вопреки законам, то, чтобы отвратить такого человека от преступления, нужны крайние меры. Смерть еще не является такою крайнею мерой; скорее уже муки, которые существуют, как говорят, в Аиде и даже еще что-нибудь большее; однако, даже учения, возвещающие сущую правду не производят никакого впечатления на подобные души и не отвращают их от преступления. Ведь иначе не было бы никогда ни матерубийц, ни дерзкого и нечестивого нанесения побоев

В своим остальным предкам. Наказание здесь, еще при жизни, постигающее таких людей за такие поступки, ничем не должно уступать, по мере сил, наказанию в Аиде. После этого надо сказать так: если кто, не будучи охвачен безумием, осмелится бить своего отца или мать или их родителей, то, прежде всего, первый встречный должен притти на помощь, как и в предшествующих случаях. Метек или иностранец, оказавший

С такую помощь, получает право занимать первые места на состязаниях; не оказавший помощи изгоняется навсегда из страны. Не-метека, оказавшего помощь, одобряют похвалой; не оказавшего подвергают порицанию. Раб, оказавший помощь, становится свободным; не оказавшего помощи агораномы наказывают ста ударами плетью, если преступление имело место на рыночной площади; если же вне площади, где нибудь в городе, то дело астиномов наказать того, кто живет здесь. Если же это произошло где-нибудь в деревне, то наказывают агрономы.

Д Всякий первый встречный местный житель, ребенок, мужчина, женщина, обязан давать отпор такому человеку, считая его нечестивым. Не давший отпора навлекает на себя, по закону, проклятие Зевса, покровителя родственных связей и отцовских прав. Кто будет уличен в оскорблении родителей действием, тот, прежде всего, навсегда изгоняется из города в остальные местности страны и не допускается ни к каким святилищам. Если он туда явится, астиномы наказывают его побоями и всячески, как им угодно. Если же он вернется назад, ему служит наказанием смертная казнь. Кто из числа свободорожденных людей станет пить или есть вместе с таким человеком, или

Е как-нибудь иначе вступит с ним в общение, или даже, встретив его наедине, добровольно прикоснется к нему, тот не должен входить в святилище, посещать рыночную площадь, вообще город, пока не очистится, так как он должен считать, что вступил в общение с пагубной судьбой. Если он не послушает закона и, вопреки закону, осквернит святилище и город, то правитель, заметивший это и не привлечший его к суду, берет тем самым на себя чрезвычайную ответственность и, конечно,

882 достоин наказания. Если раб побьет свободорожденного человека, все равно, горожанина или иностранца, первый встречный должен притти на помощь; иначе он заплатит вышеуказанную

пеню, согласно своему цензу; случившиеся там люди должны вместе с потерпевшим связать его и передать тому, кто потерпел обиду. А тот, получив своего обидчика, заковав его в колодки, может его бичевать сколько ему угодно, лишь бы только этим не причинить ущерба господину раба, а затем передаст его господину; пусть тот им владеет по закону. А закон таков: если кто, будучи рабом, побьет свободорожденного человека без приказанья на то правителей, то хозяин получает своего раба от пострадавшего, держит его в оковах и освобождает его не раньше, чем раб убедит пострадавшего в том, что он достоин жить на свободе. Узаконения обо всем этом одинаково касаются и взаимных отношений женщин между собой, и отношений женщин к мужчинам, и отношений мужчин к женщинам.
